

Михаил Боков

РУССКАЯ ГОТИКА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б78

Художественное оформление переплета
Константина Гусарева

В оформлении обложки использована фотография:
© Yulianna Est / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Боков, Михаил Владимирович.

Б78 Русская готика / Михаил Боков. — Москва :
Эксмо, 2022. — 256 с.

ISBN 978-5-04-160787-6

Есть такой жанр — южная готика. Макабр американской глубинки, в которой живут поврежденные социумом и историей люди, окруженные местными легендами и бытом. Боков — это наш Кормак Маккарти и Уильям Фолкнер в одном флаконе. «Русская готика» — книга яркая, громкая и жуткая.

- Двойник Егора Летова собирает стадионы.
 - Павел Макарцов борется за свой «кормящий» ларек на фоне глобализации.
 - Михаил Круг оживает в народном фольклоре.
- Читать эту прозу надо дозированно, потому что концентрация реальности выше, чем в самой реальности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Боков М., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160787-6

Павел Макарцов против корпораций

Паша Макарцов – удалой частный предприниматель тридцати восьми лет. Чуб Пашин вился дерзко. Глаза блестели беспечностью и весельем. Был Паша владельцем продуктового ларька и в ус не дул. Судьба его катилась, как смазанные сани на Рождество: с гиканьем, песней, и самогон тек из тех саней рекой.

С утра являлся он в ларек составлять заказ на день. Вечером забирал выручку. Раз в неделю считали с продавцами недостачу, сводили дебет и кредит. Продавцы Паши часто оказывались людьми слабохарактерными и тырили по мелочи: сигареты, жвачку, пивко. Если расход оказывался больше прихода, Паша, смеясь, заставлял работать бесплатно – в счет долга. Люди соглашались, деваться некуда. За спиной веселого Паши стояли две мрачные тени – Борька Смирнов и Каха, «смотрящие» за ларьком.

Борька вышел из городской секции бокса со званием «кандидат в мастера спорта». На заре 90-х подался в «молодые». Так называли поросль рэкетиров, у многих из которых еще усы не начали расти. Став

постарше, «легализовался». Предложил услуги Паше Макарцову и другим ларечникам: теперь его работой было защищать коммерсантов от своих недавних коллег – «молодых». Лицо у Борьки круглое-круглое, как солнце, а глаза – голубые-голубые, как небо. Посреди этого великолепия торчал вбитый в глубь черепа и много раз переломанный нос.

Борька стоял и всегда раскачивался взад-вперед – по-боксерски. Пальцы его – как розовые сосиски с рыжими волосками – перебирали четки. Четки были в почете. Они намекали на темное прошлое и богатый жизненный опыт владельца. Мало какой пацан не вертел их в руках в нашем городке. Вертеть четки начинали уже в младших классах школы и вертели иной раз до пенсии.

Говорить Борька не умел. Он мог сказать протяжно, красиво и звучно только одну фразу: «Ну что, ребятууушки, смертушки захотели?» Слова как медовые кренделя вылетали изо рта его: пряники и завитушки, хоть подбирай и ешь. Но фраза эта была у румяного Борьки одна на все случаи. Поэтому говорил обычно Каха, его поделщик-грузин.

Если случалось кому обидеть Пашин ларек (а такое случалось, и сам Паша нередко был в этом виноват, о чем ниже), Каха поднимал обидчика из-под земли. Худой, черноволосый, в кожанке, истрескавшейся по плечам, Каха был полнолунием, черным морем, тревогой далекой войны. В зрачки его не-

Русская готика

возможно смотреть. То были спичечные головки, а не зрачки. Поговаривали, что такими они стали из-за того, что Каха баловался с венами: маковой соломкой, «винтом», дешевым серым героином. Когда Каха говорил, обломки его зубов в расщелине рта заставляли вспоминать страшные вещи: как акула сожрала туриста на египетском курорте, как людей обгладывали заживо лесные звери.

Случилось однажды так, что ларек грабили пять раз на неделе. Ночами повадился ходить некий человек в маске. Через маленькое окошко тыкал стволом в продавца и уносил выручку. Невиданными науке способами Каха нашел его на седьмой день. Это было как в Библии, когда Бог, устав от забот, почил от всех дел своих. Только наоборот: Каха не думал отдыхать, труды его только начинались.

Когда сорвали маску с человека, оказалось, что это молодой парень, бывший ночной продавец. Паша Макарцов когда-то уволил его за некомпетентность. Трудно быть компетентным в ночную смену в продуктовой ларьке. Паша Макарцов знал это по себе. В иные ночи, устав от жены своей, он являлся в ларек работать в ночную смену сам. Черный «Сааб» парковался у входа. Павел Макарцов, частный предприниматель, возникал на пороге, звеня бутылками вермута «Чинзано». Ларек не имел права продавать крепкий алкоголь, а Паша — большой любитель до вермута. Поэтому вермут ему приходилось покупать

в другом месте и брать с собой. Весть о том, что начальник ларька САМ сидит в ночную смену, разносилась далеко по окрестностям. Если работает Паша Макарцов, индивидуальный предприниматель, матерый и буйный человечище, – весело будет всем. К ларьку шеренгами шли из темноты алкаши и шлюхи. «Макар» – так любовно звали они хозяина ларька. Макар никому не отказывал: будучи уже изрядно поддатым, с вечной сигаретой в углу рта, он раздавал «в долг» пиво и сигареты. Кто, сколько и за что был должен, выветривалось из его памяти ментально. Зная это, Макар пытался записывать. По утрам дощатый пол ларька устилала гора бумажек с его вихляющим, сам черт ногу сломит, пьяным почерком – колонки неразборчивых цифр, каракули, много восклицательных знаков.

Играла музыка: группа «Мираж» или Михаил Круг. Курили мужчины. Сотрясались потными телами в танце пьяные женщины. Мордовская луна смотрела на все это и завидовала живым: густоте их крови, необузданности их желаний. Когда потом, после недельной ночной смены, приходила пора подбивать дебет и кредит, Павел мрачнел и становился угрюмым. Настроение портилось. Свою недостачу он старался всеми силами повесить на дневных продавцов. Терял борсетку, ругался матом, выходил покурить.

Компетентных не было на этой работе. Лучше всего годятся для нее женщины – пожилые и веру-

Русская готика

ющие. Такие не воруют алкоголь — если только дома не ждет 30-летний неудачник-сын, детина в оттянутых трениках, растяпа и хроник. Они равнодушны к деньгам и сигаретам. Проблема Паши Макарцова была в том, что трудно найти пожилых верующих женщин для работы в ночном ларьке. Пожилые верующие женщины после молитвы рано отходят ко сну. Во сне они видят, как пьяная вакханалия у ларьков, подобных Пашиному, коптится на адском костре.

Поэтому приходилось брать тех, кого дают. Отцепенцев, завязавших (и не очень) наркоманов — один из них не стеснясь нюхал клей из пакета прямо во время ночных смен. Или просто людей лихих и отъявленных. Один из них и повадился грабить ларек после увольнения.

Паша Макарцов с удовольствием рассказывал, как Каха вычислил обидчика. Ночами продавцы убирали крупные купюры не в кассу, а в коробку из-под бубль-гума. Коробку ставили в дальний угол, под прикрытие ящиков с пивом. Так вот — человек в маске знал про эту коробку. Засовывая черный здоровенный пистолет в узкую прорезь окна, он непременно орал, чтобы доставали коробку.

— Коробку? — переспрашивал, дрожа под дулом, продавец.

— Да, да, коробку из-под бубль-гума, которая стоит слева за тобой за пивным ящиком! — кричал с

улицы грабитель. Рука его с пистолетом торчала внутри. Паша иногда уточнял у продавца:

— А ты не мог ее дернуть, эту руку, и сломать к херам собачьим? – Продавец мялся, от него пахло клеем.

Каха догадался, что дело нечисто. Кто мог знать про коробку? Только тот, кто здесь работал. А кто работал здесь недавно? Текучка была большая, но Каха все равно пошел по адресам. В первой же квартире он обнаружил улики: пистолет, маску, много денег в кармане у человека и испуг. Каха чувствовал испуг, как трехголовый Цербер, и тогда из пасти у Кахи начинала течь ядовитая слизь. Падая на пол, она прожигала дыры в линолеуме. Задачей Цербера было не позволять мертвым возвращаться в мир живых. Поэтому Каха притащил избитого, воняющего мочой паренька к Паше Макарцову в ларек. Парень божился, что все отдаст. Парень обещал продать квартиру мамы, чтобы расплатиться с долгами и моральным унижением, доставленным Паше Макарцову, Кахе и Борьке. Так рассказывал сам Паша, восседая на пивных ящиках со стаканом «Чинзано» в руке. Вид у него был сияющий, лицо пошло красным пятном от счастья. Кудрявый смоляной чуб вихрился как у казака. Шелковая рубаша разошлась на пузе. В разрез выглядывал кончик золотого креста.

Но однажды Паше Макарцову все же пришлось хлебнуть горестей судьбы. И хлебнул он их полной

Русская готика

ложкой. Полетела к черту на кулички былая развеселая жизнь. Ушел с торгов черный «Сааб» задешево. А ложка та все не кончалась и казалась Паше бездонной.

Случилось так, что зашли в наш город большие торговые сети. Выстроили зиккураты – торговые центры. Стали в зиккуратах славить золотого тельца. Ларьки вроде Пашиного прилепились к сияющим зиккуратам как комья гнилой земли к подошве ботинка. Торчали из ларьков курьи ножки. Смердило табачищем. Ударяло духом судеб людских.

Торговые центры парили над муравейником наших жизней как недостижимые эталоны холодной красоты. Все в них сверкало, манило, обещало новую жизнь. Очевидно было, что ларькам не протянуть долго рядом с гигантами.

Первый тревожный звоночек прозвенел, когда начались разговоры. Прошел среди ларечников слух, что будут поднимать акцизы на сигареты. И что товарная база – мекка, где обретались все мелкие коммерсанты, – перестанет отпускать партии пива до ста ящиков. «Куда мне сто ящиков? – возмущались владельцы ларьков, хотя и подтверждений-то разговорам этим еще не было, а только домыслы и предчувствия. – Оно же расквасится?» В ларьках продавали продукты с истекшим сроком годности, дело было. И ящиками иной раз забивали ларек под самую крышу: продавцу, запертому внутри, не выйти ни по нуж-

де, ни покурить. Покуда не продашь, сиди. Паша Марцов и сам, бывало, с шалой улыбкой накануне Первомай муровал продавца в четырех стенах ларька. В глазах Пашиных светилась лучистая надежда: это ж праздники, это ж как торговля-то пойдет! Но брать по сто ящиков каждый раз, каждую закупку?! Тут уже у ларечников наливались кровью глаза: гнобят, гады, обижают честных людей.

Впрочем, вскоре пришла другая весть – и про акции с товарной базой забыли. Ранним июльским утром, когда пели птички и ничто не предвещало беды, приехали люди из администрации. Серьезные, в мешковатых костюмах и остроносых ботинках, почти такие же серьезные, как ларечники, – и раздали всем постановление. На бумаге так и было написано: «Постановление».

Паша сел читать его, задумчивый и хмельной после ночной смены. С губы его свисала сигарета. По всегдашнему блестел осколком луны православный крест – подмога честного коммерсанта. И чем дольше читал Паша, тем ниже опускалась его губа. Тем ниже сползала сигарета, пока совсем не грохнулась Паше на штанины, и тогда пространство огласили его громкие вопли. «А вот это видели?! – выскочил Паша из ларька и показал в небо жест, означающий мужской хрен. – А вот хрен вам!» Он кричал еще много и долго, так что на звуки потянулся народ и местная алкашня. Всем было инте-

Русская готика

ресно, что происходит. Алкашня надеялась, что под шумок им нальют.

Паша Макарцов бесновался и изрыгал яд. Пинал ботинками воздух. Плевался слюной. Никому не налили под шумок. Напротив, Паша пинками прогнал алкашню прочь.

«Постановление» предписывало всем владельцам ларьков в двухнедельный срок собрать по два миллиона рублей, чтобы заменить (цитата из Постановления) «морально устаревшую, не отвечающую нормам безопасности торговую конструкцию на более современную». Иными словами, Паше и всем остальным предложили снести старый ларек, а на его месте построить новый. По никому не ведомым нормативам новое строение должно иметь вход с тремя ступенями, неоновую вывеску на двери и продавца с непросроченной медицинской книжкой. Итого — два миллиона рублей. Последствия невыполнения в сроки — немедленный снос.

Вечером собрался консилиум. Пришел Каха, сухой грузин, явно под кайфом. Пришел Борька Смирнов — и первым делом набил карманы сигаретами и жвачкой: как «крыша» имел право. Свет притушили. Дверь заперли. «Что будем делать, братва?» — спросил Паша. Братва, дымя сигаретами и почесываясь, без энтузиазма пообещала разобраться.

Шли дни. Ларек продолжал работать в обычном режиме. Понемногу улеглись страсти, и Паша Макар-

цов уже подумал было, что Постановление – всего лишь попытка администрации взять его на понт. Его – Частного Предпринимателя, Человека, Который Дает Работу Несчастливым Семьям. В голове Паша именно так, с заглавных букв, определял свое благородное место. А еще, воспитанный годами жесткой конкуренции, он знал: если нечем крыть, если нет аргументов – возьми на понт, покажи мнимую силу, пусти пыль в глаза. Так делали все в Пашином мире. И теперь, похоже, так решила сделать администрация. «Ха-ха, – стал посмеиваться он. – Снесут они нас, как же».

Потом пришли Каха и Борька. Понурые. Чего раньше с ними не случалось.

– Короче, Пашок. Собирай два миллиона, или они тебя снесут, – сказал Каха и почесался. Похоже, он снова был под кайфом. Борька поглядел на Пашу глазами бирюзового неба и положил в карман блок «Мальборо».

– Такие дела, братуха, – подытожил он (что в его случае было очевидным лингвистическим подвигом).

Паша закипел:

– Как снесут? Как? А на что вы мне тогда сдались, родные? Порешайте вопрос!

– Порешали, – сказал Каха.

– И что?

– Без вариантов.

– Почему?

– Потому что они – корпорация.

Русская готика

– Кто они? Гондоны, которые в Сером доме сидят? – Серым домом называли администрацию.

– Нет, – ответил Каха и цыкнул слюной на пол. – «Пятерочка», «Ашан», «Перекресток». Встал ты им со своим ларьком поперек горла, Пашок.

Паша секунду думал, почесывая смоляной чуб. Потом вынул блок «Мальборо» из кармана Борьки Смирнова.

– А знаете-ка что, ребзя?

– Что? – хором спросила «крыша».

– А шли бы вы тоже на хер! – Он выставил наружу Каху и потом Борьку. Те не сопротивлялись.

– Без обид, Пашок! – сказал Каха. Паша захлопнул дверь.

Часть нужных денег он занял у знакомых. Никто не отважился дать ему всю сумму. Люди знали о буйном характере хозяина ларька и его пристрастии к вермуту «Чинзано». Давая деньги Паше Макарцову в долг, они прощались с ними навсегда.

Еще часть суммы Паша собрал, продав свой черный «Сааб». За машину он выручил немного. На поверку вышло, что «Сааб» битый, а его номер двигателя числится в федеральном розыске.

Паша поскреб по сусекам. Заложил золото жены в ломбард. Заложил золотую фиксу – его в лучшие годы он иногда расплачивался в ресторане, покутив.

К тому моменту как стрелка часов перевалила за полночь и наступил судный день, во время которого

Паша должен был начать строительство нового ларька, у него на руках имелось все еще на полмиллиона рублей меньше, чем нужно.

Происходило следующее. Над городом поднимался прекрасный летний рассвет. Благоухали липы. Воздух пропитался целительным озоном настолько, что, казалось, мог поднять мертвого из могилы — таким свежим и волнующим он был.

Паша Макарцов лежал лицом в собственной блевотине пока еще в своем ларьке и не подавал признаков жизни. Продавец — новая девочка, которую угораздило влететь под жернова Пашиного малого предпринимательства, — тормошила его за плечо, тщетно пытаясь разбудить.

В восемь тридцать утра приехала комиссия из администрации. Что? — театрально изумился представитель комиссии. — Никакие работы еще не начались?

— Никакие, — испуганно пискнула девочка-продавец.

— Всех порешу, суки, бля! — прохрипел в беспмятстве Паша.

— Очень, очень плохо, — резюмировал представитель.

В девять двадцать пять на место прибыла бригада рабочих. Они аккуратно вынесли пьяного Пашу Макарцова и положили прямо на тротуар. Вслед за этим рабочие стали выносить содержимое ларька и класть

Русская готика

рядом с Пашей. Блоки сигарет, ящики с пивом, шоколадки, жевательные резинки – все то, что долгое время составляло Пашин доход и что теперь оказалось вне конкуренции перед надвигающейся корпоративной глобализацией.

После того как внутренности ларька освободили, один из рабочих – самый старый – взялся за кувалду. Он наотмашь бабахнул чугунной головешкой по жестяной стене. Стена отозвалась стоном, смялась. Вслед за главным за кувалды взялись и остальные. Методичными ударами – в десяток рук – они обрушили ларек за двенадцать с половиной минут. Звуки разлетались по всей округе – бам-бам-бам. Дерево крошилось, стекла трескались, вокруг рабочих столбом поднималась пыль.

На шум пришли любопытные. Сначала появился нетрезвый постоянный Пашин покупатель. Затем остановилась молодая женщина с ребенком в коляске. Потом подошел усталый пенсионер. Потом стайка школьников с мороженым в руках. Следом – группа студентов, одинокий безработный, две девушки в коротких юбках, строитель в оранжевой каске, офисный сотрудник с галстуком-селедкой, бабулька в выцветшей косынке, еще школьники, еще студентки, еще похмельные рожи... Когда ларек со скрежетом обвалился под последним ударом, эта разнородная масса людей издала одновременный горестный вздох.

В куче пыли стало ясно, что исчезла не просто торговая точка – грязная и плешивая. Ушло нечто большее. Ларек Паши Макарцова был местом, где собирались последние сплетни, заключались сделки, назначались встречи, устраивались перекуры, сообщения на троих, ссоры, скандалы, драки, признания в любви и окончательные бесповоротные разрывы. В конце концов, это место заменяло жителям какой-нибудь трактир или клуб. Иные терлись у ларька целыми днями, даже не имея денег – просто ради возможности поговорить. Эти разговоры – дурацкие и бессмысленные для остальных, – наверное, были последней возможностью для кого-то ощутить, что он еще жив.

Ларек помнили долго. Говорили о нем с ностальгией и бесконечно пересказывали байки, добавляя к ним все новые и новые несуществующие подробности.

Впоследствии стало ясно, что цены в сетевом магазине ниже, чем в Пашином ларьке, а обслуживание лучше. В смысле, вы не сталкивались там с бухими продавцами, никто не мог послать вас подальше, люди не размахивали пистолетами у кассы, а голые женщины не танцевали на ящиках с пивом. Торговля стала стерильной и недушевленной. И это поначалу отпугнуло часть покупателей от нового магазина. Однако, в конце концов, ходить туда стали все. Удобство и недорогие цены всё перекрыли.

Русская готика

Про Пашу Макарецова продолжали рассказывать разное. Говорили, что он работает теперь водителем маршрутки, но держится все равно по-царски, будто до сих пор хозяйничает ларьком. Другие якобы видели Пашу пьяным и опустившимся. Говорили, что его выгнала из дома жена.

Были и те, кто утверждал, что Павел Макарецов, частный предприниматель, сделался юродивым. Что днями сидит он у монастыря, прося милостыню. А вечерами глядит в окна сетевого магазина, силясь разгадать его тайну. «Божий человек, — говорили про него. — Хохочет и молится, хохочет и молится...»

Последняя дискотека

Отчим мой привозил дискотеки в пионерские лагеря и носил усы. Усы были зверские, как у итальянца. На дискотеки в лагерь подтягивались местные, одетые странно, по деревенской моде: к брюкам снизу пришивали алюминиевые колокольчики. При ходьбе колокольчики звенели. Когда шла толпа, казалось, что звенит весь мир.

Местные любили устроить замес. Чуть что — доставали ножи, резали вожатых. В нашу смену в лагере стоял милицейский «УАЗ» — для контроля. В другую смену решили вовсе не проводить дискотек. Но что за лагерь без дискотеки? Танцы вскоре вернули, а вместе с ними вернулись и местные.

В то лето заправлял местными тощей и злой Ванька Штырь. В отличие от другой шпаны, Штырь славился благородством. Местные и сами поняли, что с ножами не видать им лагерных городских дискотек. Но Ванька развил из этого этическую систему: кастеты тоже не брать, в беспредел не лезть. Если драка — то один на один. В былые дни местные люби-

Русская готика

ли прыгать толпой. Идет вожатый с дискотеки, ведет подведомственный пионерский отряд, а тут толпа – навалилась, исколбасила, гогоча – хорошо, если не пырнут, – и умчалась обратно в лес. Пионеры кричат. Вожатый лежит, распластавшись в кровавый блин.

Штырь завел дисциплину: прыжки толпой только если несправедливость. Его поначалу не поняли: «Как так? Везде же несправедливость. Само слово «городской» несправедливость». Штырь разъяснил: несправедливость – если обозвали пидарасом, если сказали про мамку и про отчий дом плохо. Назвали брезгливо «деревней» или «колхозом» – вали толпой. А если просто из-за бабы или стукнулись плечами на дискотеке – один на один. После разъяснений всем стало понятно.

Мы, молодые лагерные пионеры, узнали о кодексе деревенских от инсайдера – толстого Гришки Иванова. Гришка знал про всех все. Гришке надо было выживать в пионерском коллективе: он ужом проникал в любую тайну. За новости, которые он приносил, ему прощали толстое пузо и не били.

«И короче, пацаны – теперь слова «деревня» и «колхоз» под запретом. Про пидарасов тоже лучше не стоит...» – завершил рассказ Гришка. И мы, пионеры тринадцати лет, сказали серьезно, как мужчины из фильмов: «О-о-о». И закурили.

Замес того лета, когда деревенскими правил Ванька Штырь, случился из-за девочки Кристины Бурин-

ской. На Кристину плотоядно смотрел весь лагерь. Подозревали, что даже начальник лагеря, партийный 45-летний мужчина, смотрит на Кристину с неуместным восторгом. Березы вокруг пионерских корпусов текли слезами: на стволах пионерия изливалась в любви к Кристине и перочинными ножичками рисовала сердца. Злые языки говорили, что Кристина ходит по ночам к вожатым. Толстый Гришка Иванов божился, что видел это сам.

Проблемой лагеря в то лето были не только местные и всеобщая любовь к Кристине. Из городского интерната приехала на третью смену Оксана Рябко, амазонка 15 лет. Таких девочек мы еще не видели. В интернате — а все мы учились в школах, и само слово «интернатский» уже равнялось тяжкому преступлению — Оксана была одной большой головной болью. Она плевала в лицо учителям. Она носила пацанские штаны и стриглась под полубокс: сзади лысо, спереди чуб. Это был новый тип девочки, новый тип человека, это был ницшеанский Заратустра во плоти, — и мы старались не связываться с Оксаной. Оксана была жесткая, как кремень.

Ее приезд в лагерь начался со скандала. Ночью Оксана что-то такое сделала со своей соседкой по пионерской палате. Что именно — мы не знали, толстый Гришка Иванов говорил всякое, но мы не верили: «Такого не может быть! Что сделала?! Заставила что?!» Вскоре Оксанку Рябко вывели на утренней

Русская готика

пионерской линейке и поставили перед всем строем. «Если еще раз! – орал с трибуны пунцовый начальник лагеря. – Если еще хоть раз... Вон! Вылетишь вон отсюда!» Глаза Оксанки сверкали из-под чуба. Она стояла, руки в карманы: женщина-камень, женщина-огонь. Чуб был выкрашен пергидролем: неприлично желтел на пионерском плацу. В одном ухе серьга: звезда на цепочке.

Грядущий замес ощущался в самой лагерной атмосфере. Как тучи собираются на периферии неба, как начинает покалывать от электричества воздух перед летней грозой, так и мы, пионеры, ноздрями чувствовали надрыв. Детские сердца ныли – страшно и томительно. Детские подмышки воняли подростковым потом больше обычного. Начальник лагеря стал нервным и строгим. Он буравил пионеров глазами как сканером в поисках червоточины – тоже чувствовал неладное. Вожатые притихли. Даже на их ночных посиделках, где, по заявлению толстого Гришки, «творилось та-а-а-кое», теперь стало тихо.

Что-то должно было произойти.

Первый намек на грядущую грозу случился на волейбольной площадке. Девочки отряда Оксанки Рябко играли против девочек из отряда Кристины Буринской. Это было общелагерное девчоночье первенство. Для игры пионерки облачались в волейбольные шортики и маечки, от которых у пионе-

ров перехватывало дух. Когда в шортики облачалась Кристина Буринская, наиболее чувствительные пионеры от волнения ходили блевать в кусты.

Такую Кристину — летящую, воздушную, тонконогую — и увидела интернатская Оксана, и жестокое сердце ее забилося часто-часто, как воробушек.

— Погоди-ка, погоди-ка. Это что у нас такое? — Оксана притянула за отворот футболки щуплую девочку из своей команды. Они сидели на скамье запасных. Девочку не взяли в основной состав из-за хилого роста. В свою очередь, Оксане играть в волейбол было запаadlo.

— Рябко, хватит курить! — рывкнула на Оксану тренер по волейболу. — Сейчас удалю с площадки!

Оксана отмахнулась и притянула несчастную девочку еще ближе:

— Что это за мимолетное видение? — В порывах чувств Оксана могла говорить красиво.

Девочка пискнула:

— Что?

— Она! — Указательный палец Оксаны уперся в летящую искрящуюся Кристину. Она играла неважно, но ее всегда ставили в основу. Даже начальник лагеря приходил посмотреть на ее игру.

— Это Кристина Буринская. Первая лагерная красавица, в которую все влюблены! — отчеканила девочка и поспешила исчезнуть.

Русская готика

Растоптав окуроч, Оксана выпустила дым и принялась ждать.

Игра закончилась. Раскрасневшаяся, прекрасная Кристина вытирала лицо полотенцем, когда сзади ее окликнули.

– Поговорим? – попросила Оксана Рябко.

– Поговорим.

И две девочки отошли в сторонку.

О чем они там говорили, неизвестно, но только вскоре Оксана стала везде ходить с Кристиной. Оксана всегда носила штаны и никогда – юбки. Она шла по лагерю царем, шла троянским конем, шла победителем. Рука ее обнимала Кристину Буринскую за шею. И Кристина – Кристина, по которой сохло поллагеря, по которой сох начальник лагеря, по которой сохли все мы, – шла рядом безропотно. И вроде бы мы не могли в это поверить, но вроде бы Кристина Буринская казалась счастливой, когда Оксанкина рука лежала на ней.

Начальник лагеря, увидев их, выронил сигарету.

– Это... – Он запнулся, казалось, его хватит удар. – Это что???

– Остыньте, Пал Иваныч, – цыкнула ему через губу Оксанка. – Мы дружим.

Пал Иваныч не нашелся что ответить. Он молча стоял с открытым ртом, пока парочка удалялась.

Толстый Гришка Иванов, который знал все, говорил: по ночам Оксанка Рябко сбегает из своего отряда, что-

бы проникнуть к Кристине Буринской, и остается там до утра. Вожатый хотел помешать Оксане, но она приставила нож к его горлу и пообещала расправу, если тот пикнет. Вожатый прикинул, что осталось всего две недели до конца смены. Он решил помалкивать. Портал в спальню Кристины Буринской был открыт.

Мы слушали Гришку и не верили. А потом видели днем Оксану с Кристиной, гуляющих в обнимку, и верили. Мы подначивали друг друга: «Слабо тебе отбить Кристинку у Оксанки?» И гоготали, смущаясь, потому что «слабо» было всем. Из всех мальчиков в лагере самые большие яйца носила интернатовская Оксана.

Потом случилась та памятная дискотека. Ее вел мой отчим. Он ставил Аль Бано — мой отчим был немного итальянец. Так говорил он сам.

По звону колокольчиков, пришитых к джинсам, мы поняли, что на дискотеку проникли местные. Деревенские работали грубо: если им нравилась девчонка, они просто распахивали нас, пионеров, и тащили ее танцевать. Вот и сейчас лидер местных Ванька Штырь определил Кристину Буринскую как самую красивую девочку на дискотеке и стал протискиваться сквозь толпу.

— Пойдем, сладкая, — сказал он и дернул Кристину за руку.

Мы поняли: то, что давно надвигалось, сейчас вскрыется как нарыв. Музыка стала глуше. Ночь тем-

Русская готика

нее. Оксанка Рябко выпрыгнула из темноты как пантера Багира — и без слов зарядила Ваньке Штырю кулаком в зубы. Ванька покатился по земле, вскочил, раскрыл рот, глаза его забегали.

— Братва! Братва! — Он озирался в поисках своих. — Городские наших бьют!

Расталкивая пионеров, звеня колокольчиками, к месту конфликта ломанулись детины: здоровые как кони, рыжие, выросшие на полезном труде и свежем воздухе.

— Че? Че? Че? — захлопали точно крылья их голоса.

Но, увидев причину конфликта, увидев Оксанку Рябко, деревенские будто наткнулись на стену.

— Девчонка? — изумились они.

— Ща в зубы дам за девчонку, — сказала Оксана.

Из-за спины ее выглядывала Кристина Буринская. В тот момент — момент испуга и волнения — она была прекрасна как никогда.

Деревенские почесали головы, пошушукались, на всякий случай уточнили у Штыря:

— Вань, а она тебя пидарасом называла?

Штырь мотнул головой — нет.

— А колхозом или деревней?

Штырь надулся — тоже нет.

Этика Штыря теперь работала против него самого.

— Тогда это, Вань... один на один.

— Да куда? Какой один на один? — Штырь подскочил. — Она же баба! — Он истерично кинул пальцами в Оксану. — Баба, только в штанах...

Договорить ему не удалось. Хлесткая пощечина Оксанки Рябко вновь сбила Штыря на землю. Он покатился, сбил пару танцующих. Подняться ему Оксана уже не дала. Она набросилась на него как животное, разъяренный альфа-самец на защите прайда. И нога Оксанкина — мускулистая нога в брюках и вьетнамской кедине «Два мяча» — звонко стукнула Штыря в подбородок.

Передние зубы предводителя деревенских улете-ли в небо. Белые-белые, крепкие-крепкие, они могли служить Штырю всю жизнь, но теперь исчезли в летней ночи, точно две маленькие кометы. Оксанка Рябко продолжала втоптывать Штыря в землю. Ее нога в кедине крошила его лицо, и оно расплзлось, теряло контуры, растворялось в кровавой дымке.

Музыка взвизгнула — и замолчала. Динамики закричали голосом директора: «Всем... Слушать меня!!! Прекратить!!! Отставить!!!» И когда это не помогло, директор закричал так, что с деревьев попадали мертвые птицы: «Милиция-а-а-а-а!»

Только тут Оксанка остановилась. Кодовое слово отключило ее механизмы. Она уже была в милиции и знала — если кто-то над ухом орет «Милиция!», лучше не дергаться: потом в милиции могут приписать сопротивление при аресте и накинуть к приговору.

Русская готика

У ног ее распласталось тело, недавно бывшее Ванькой Штырем. Тело булькало и конвульсировало. Оксана дышала тяжело, смотрела на всех исподлобья. Выяснилось, что в суматохе у Кристины Буринской порвали футболку. И теперь один сосок ее – сосок самой прекрасной груди на свете – недоуменно взирал на окружающих. В другое время мы бы не смогли отвести от него глаз. Мы пронесли бы это видение через годы, рассказывая о нем внукам, смакуя как самое сладостное переживание в жизни. Но сейчас никто не обратил внимания на грудь Кристины Буринской, в которую был влюблен весь лагерь.

Все смотрели на Оксану Рябко. Все понимали, что сейчас произошло нечто важное. Мы не знали еще тогда аббревиатуры ЛГБТ, мы впервые столкнулись с тем, что девочка может любить девочку, но все мы стояли и усваивали урок. Интернатская Оксана показала нам, как нужно биться за свою любовь, за друзей, за убеждения – за родину, если хотите. И каждый из нас стоял и задавал себе вопрос: «А я бы смог так же?» И пугался собственного ответа, и терялся, и уносился мыслями в космос, не отрывая глаз от странной девочки с пергидрольным чубом.

Мигнули сирены. На танцплощадку медленно въехал милицейский «УАЗ», который дежурил в лагере всю смену. Из «УАЗа» высыпали милиционеры.

– Оксана-а-а! – вдруг поняв все, сорвалась с места Кристина Буринская и бросилась к ней в объятия.

Михаил Боков

Две девочки поцеловались. Они целовались так, как, возможно, целовался Одиссей со своей женой, отправляясь на 10 лет в Троию. Они целовались как мартовские любовники, как стебли цветов, как земля и дождь. Милиционеры и лагерное начальство ждали молча, не рискуя им помешать.

Потом Оксана шагнула в «уазик». Усмехнулась, оглядев напоследок нас всех. «Модерн Токинг» навсегда!» – весело крикнула она и села в машину. Явив пионерам еще один пример невыносимой, фантастической крутизны.

Средиземное винное море

Я встречался с девочкой, поэтому про вино – безхозный вагон вина, море из вина – узнал последним. Друзья мои проводили время в подвале. Они дрались, горланили песни и влюблялись. Кого-то забирали в милицию. Все это проходило мимо: я встречал и провожал девочку домой.

Если мне случалось выпить бутылку пива, девочка чуяла запах.

- А ну-ка дыхни! – приказывала она.
- Всего одно пиво, малыш, – говорил я.
- Одно? А пахнет как целый пивной склад!

Дело шло к свадьбе. И порой я думал, с тоской глядя, как весело оттягиваются в подвале друзья: а не рано я включился в эти взрослые игры? Не рано жизнь поймала меня на крючок, лишила радости и яиц?

Про вино я узнал мартовской ночью. Шел домой, рассуждая про себя в тысячный раз: выбрать девочку? Или выбрать подвал? В снегу лежал человек. В теле человека я узнал знакомого по прозвищу Сало. От тела в снег расползлась здоровая желтая

лужа. Пахло забродившим киселем, неумытым детством, ранней весной.

Умеют люди красиво жить, вздохнул я, глядя на тело. Умеют веселиться до упаду. Умеют радоваться простым вещам. Тело на снегу храпело. Его требовалось разбудить. Ранние мордовские оттепели коварны. Они пожрали уже не одного человека. На радостях от мартовского солнца люди немного сходят с ума. Они пьяны самим воздухом. Они берут отгулы на работе, устраивают дикие шабаши, а потом валяются и засыпают прямо в талом снегу. Но ночью зима возвращается – в этом коварство марта. Температура опускается до минус 20 и больше. И те гуляки, которых не подняли вовремя из снега, уходят в снежную страну навсегда.

– Сало! – сказал я. – Вставай!

Тело брыкнуло ногой.

Я попытался поднять его, стараясь не наступить в желтую лужу. Свое прозвище он получил не зря. В Сале была тысяча килограммов веса. Он булькал.

– Подъем! – Я пнул тело.

И тут Сало очнулся. Он резко сел в снегу и сказал:

– Вино! – И стал щупать себя по карманам. А затем, к моему удивлению, из недр его бездонной куртки-пуховика стали появляться на свет бутылки. Сало ставил их в снег бережно, словно младенцев. Я насчитал восемь или девять бутылок вина и еще одну разбитую: Сало вынул из куртки осколки. Лужа, кото-

Русская готика

рая натекла под ним, была винной. Только сейчас я заметил, что запахи весны и неумытого детства перебивает тяжелый винный дух.

— Сало! — Я с ужасом смотрел на его трофеи. — Вы ломанули ларек? Магазин? Склад? Откуда столько вина?

И Сало расплылся в самой мерзопакостной улыбке на свете.

— Лучше! — сказал он, сидя в винной луже. — Мы нашли целый вагон с винищем. И завтра притащим еще.

По его словам выходило следующее: кто-то — по невиданной случайности, божьему промыслу или недосмотру — выкатил вагон с вином за пределы товарной базы. Вино было частично замерзшее: груды льда в ящиках. С бутылок послезали этикетки. Продавать такое было нельзя.

Вагон стоял одиноко как перст посреди снежного поля. Его поставили на запасные пути и забыли. Так злые люди выкидывают надоевшего котенка из дома — потому что он вырос и стал некрасивым. Потом на вагон набрел Сало. Чутье никогда не подводило его. Он потоптался вокруг. Заглянул в щели. И понял, что нашел клад.

На следующий вечер у подвала собралась бригада. Все были уже бухие, все хотели еще вина, все держали в руках рюкзак, пакеты и авоськи.

— Идешь? — окликнули меня.

Я провожал девочку. Девочка посмотрела так, что стало ясно: если сейчас сорваться, соскочить, уйти в ночь с братвой на поиски приключений, то не видать мне больше теплой девочкиной постели и беззаветной любви.

— Догоню, может... — неуверенно пробормотал я.

— Ага, — сказала девочка. — Догонит. И перего-нит, — и дернула меня за руку: — Пошли! Мы же хо-тели еще кино посмотреть.

Я оглянулся и увидел, как все они растворяются в мартовской ночи: мои друзья с вещмешками за спи-ной. Они уходили словно какой-то фантастический партизанский отряд. Дымили сигареты, стоял гогот. Хрустел снег под их ботинками.

В тот вечер девочка выбрала смотреть «Титаник». На экране Лео сражался за свою любовь, тонул ко-рабль, падали в воду люди. Но мои мысли были дале-ко — на товарной базе, где сейчас в ночи мои кореша подламывали бесхозный вагон с вином и набивали свои сумки.

Вино называлось «Монастырская изба». По нашим голодранским оценкам, это напиток высшей пробы: сами боги спустили его людям на землю. В ларьке бутылка «Монастырской избы» стоила в два раза дороже портвейна, напитка работяг. «Монастырскую избу» покупали серьезные люди в пиджаках. Ее ста-вили на стол, когда надо было обстряпать нечто важ-ное. Так мой отчим однажды притащил домой «Мо-

Русская готика

настырскую избу», когда хотел заслужить прощения у мамы: она застучала его с другой. И что вы думаете? Мама отпила «Монастырской избы» и забыла обиды.

Я никогда не пробовал «Монастырскую избу», но уже знал, какая она будет на вкус. Нектар и амброзия, по случайности попавшая в наш темный мир из горних далей.

«Титаник» утонул, Лео поклялся в вечной любви, и я вышел на улицу. Далеко в ночи разносились звуки разудалого пьянства. Вероятно, они значили, что подлом вагона прошел успешно. «Девочка??? Или подвал???» — в сотысячный раз подумал я и, засунув руки в карманы, пошагал к дому. Девочка жила с родителями. Остаться у нее на ночь было нельзя: мы скрывали свой секс от взрослых.

Масштабы ночного набега превзошли самые смелые фантазии. На другой день я поднялся на шестой этаж к своему другу Леньке Косоухову — он ходил на винное дело с остальными. Ленька выставил все богатство: на полу перед нами стояло сто пятьдесят шесть бутылок «Монастырской избы».

— Было еще пять, — сказал он, довольный, дыша перегаром. — Одну разбили, три выпили, одну отдал отцу.

От зависти мне сделалось плохо. Сто пятьдесят шесть бутылок «Монастырской избы» корчили мне рожи. Моральный выбор «девочка или подвал» резко дал крен в сторону подвала. «Девочки у меня

еще будут, — подумал я. — А «Монастырская изба» никогда».

Все, кто мог, ушли вечером в новый поход за вином. Кто не мог, остались пить то, что есть. Только Ленька Косоухов утащил к себе сто пятьдесят шесть бутылок. Еще сотня стояла в подвале прямо на полу. Душа моя была с ними. Но тело еще не набралось мужества сказать девочке «нет».

В тот вечер в подвал нагрянул участковый. Он схватился за сердце, когда увидел ряды винных бутылок и пьяных голодранцев.

— Откуда?! Как?! — Глаза его полезли на лоб. — А ну выходи строиться!

Участковый подумал, что шпана ограбила магазин или что-то еще, а потому арестовал сразу всех. Веселые пьяные подростки тащились за ним до участка шеренгой. Каждый нес в руках по несколько бутылок. Некоторые на ходу отпивали.

Уже к утру арестованных пришлось отпустить. Участковый выслушал их невнятные объяснения, сделал звонки. Оказалось, что молодая шпана ни при чем: вагон с «Монастырской избой» действительно выставили с товарной базы за ненадобностью.

Участковый конфисковал бутылки, но это было все равно что плыть в худой лодке навстречу волне. Ночью в подвал вернулись те, кто ходил в очередной рейд. Они принесли новые замороженные бутылки.

Русская готика

Район утонул в вакханалии. Люди брали больничные, ссылались на важные дела, на похороны бабушек или просто переставали являться на работу и учебу без объяснения причин. День и ночь по улицам шаталась мертвецки пьяная молодежь. Неделю в подвале царил дух любви, но потом алкогольные пары шибанули в головы. Случилась одна драка из-за вина, затем — другая. В одну ночь, когда закончилось общее вино, люди собрались ломать дверь в квартиру Леньки Косоухова. Все знали, что сто пятьдесят шесть бутылок еще стоят у него дома. Ленька откупился. Он вынес пьяным двадцать бутылок из своих запасов и заказал себе железную дверь.

Мое терпение, которое и так висело на тонкой ниточке, лопнуло в тот же день. Я сказал девочке все, что думаю про «Титаник» и про нашу любовь. Девочка плакала. Я был непреклонен. Взяв дома авоську, я пошагал по рельсам в сторону товарной базы. Я хотел получить свой кусочек счастья, свою собственную «Монастырскую избу». Но, как оказалось, конец этой брутальной дешевой драмы уже наступил.

Около вагона с остатками «Монастырской избы» стояло оцепление из полицейских. Вокруг них сгрудились люди — то жители нашего города, прослышав о бесхозном вине, как и я, бросились искать свою удачу.

— Это нечестно! — рамсил с представителями закона усатый мужик. — Вино принадлежит народу! Дайте нам взять свое!

Полицейские прикрылись щитами. Толпа бурлила. Я заметил, что в ней есть и дети: заботливые родители дали им пакеты и деревянные ящики, чтобы унести больше вина. С минуты на минуту толпа была готова идти на штурм.

Я понял, что ловить здесь нечего. Уныло побрел по рельсам обратно к дому.

В тот же вечер Ленька Косоухов привел меня в свою квартиру за железной дверью и налил стакан вина. «Пей!» – щедрым жестом разрешил он. Я выпил. «Монастырская изба» оказалась водянистой кислой жидкостью. От нее пахло протухшей рыбой – возможно, так начинал пахнуть замороженный и потом оттаявший виноград. Возможно, виноград и вовсе не использовали при изготовлении «Монастырской избы».

– Полное дерьмо, правда? – поинтересовался Ленька. – У меня осталось еще сто две бутылки. Могу дать тебе две или три.

Я отказался. В моральном выборе «девочка или подвал» девочка вновь заняла первое место. Я подумал: как классно, когда у тебя есть 16-летняя красотка с белыми волосами. Я вспомнил наши вечера с «Титаником». Как же хорошо было, ей-богу. Лео, я иду к тебе! Я решил, что пора мириться.

Сначала в ее подъезде я услышал звуки. Как будто всхлипывал человек: я подумал сначала, что это плачет она. Вышла в подъезд, чтобы не видели ро-